

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ИСКАНДАРОВ против РОССИИ»

(Жалоба № 17185/05)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

23 сентября 2010 г.

Данное постановление вступит в силу в порядке, установленном пунктом 2 статьи 44 Конвенции. Оно может стать предметом редакционного пересмотра.

В деле «Искандаров против России»

Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседавая палатой в составе:

Христоса РОЗАКИСА, *Председателя*,
Нины ВАЙИЧ,
Анатолия КОВЛЕРА,
Дина ШПИЛЬМАННА,
Сверре Эрика ЙЕБЕНСА,
Джорджо Малинверни,
Георга Николау, *судей*,

а также при участии Сёрена Нильсена, *Регистратора секции*,
провел закрытое заседание 2 сентября 2010 г.
и вынес в тот же день следующее постановление:

...

ПРАВО**I. УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ****A. Доводы сторон***1. Правительство*

1. Правительство настаивало на непричастности российских властей к похищению заявителя. По словам Правительства, 4 апреля 2005 г. заявитель был освобожден из-под стражи, где он находился в связи с рассмотрением запроса о выдаче. После этого на территории Российской Федерации заявитель под стражу не заключался.

2. Утверждения заявителя о том, что он был задержан представителями власти, не подтвердились в ходе следствия по делу о его похищении, проведенного на национальном уровне.

3. Свидетели, допрошенные органами следствия, не видели, как именно заявитель был похищен. Свидетель Л. не говорил следственным органам о том, что его дом окружали двадцать пять – тридцать лиц в штатском. Сотрудники милиции Т. и С. пояснили органам следствия, что вечером 15 апреля 2005 г. они никого не задерживали и не видели, чтобы кто-либо окружал дом № 14 по улице Советской.

4. Заявитель отказался от ознакомления с решением о признании его потерпевшим, а также от допроса в качестве потерпевшего.

5. В связи с письмом Министерства иностранных дел Таджикистана, копия которого была представлена в Суд адвокатами заявителя, Правительство указало, что содержание письма «не соответствует действительности». Правительство также утверждало, что представленная копия является нечитаемой. Впоследствии Суд

предоставил Правительству дополнительные копии данного письма, однако никаких дальнейших комментариев в этой связи не последовало.

6. В общем и целом, Правительство утверждало, что похищение заявителя не могло вменяться российским органам власти.

2. Заявитель

7. Заявитель настаивал, что его утверждения о том, что органы государственной власти были причастны к его перемещению в Таджикистан, подтверждаются следующими соображениями. Заявитель приехал в Таджикистан без паспорта. Такое было возможно только в том случае, если его сопровождали официальные представители государственной власти. Таджикские власти публично подтвердили, что заявитель был официально выдан Таджикистану. Показания, данные Л. следственным органам Российской Федерации, не противоречили его объяснению, предоставленному Суду.

8. Действительно, заявитель не хотел, чтобы таджикские следователи допрашивали его по уголовному делу № 27807; тем не менее, он ходатайствовал о том, чтобы быть допрошенным российскими следователями на территории Российской Федерации.

Б. Оценка Суда

9. Учитывая, что между сторонами имеются принципиальные расхождения относительно событий данного дела, Суд должен установить факты, связанные с перемещением заявителя в Таджикистан.

10. С самого начала Суд отмечает, что он помнит о вспомогательном характере своей роли и признает, что должен внимательно следить за тем, чтобы не принимать на себя полномочий суда первой инстанции, устанавливающего фактические обстоятельства, если только это не является неизбежным в контексте конкретного дела (см. *МакКерр* [McKerr] *против Соединенного Королевства*, жалоба № 28883/95, решение от 4 апреля 2000 г., и *Алтун* [Altun] *против Турции*, жалоба № 24561/94, п. 42, постановление от 1 июня 2004 г.) Тем не менее, если имеются жалобы на нарушение статьи 3 Конвенции, Суд должен особо тщательно их рассмотреть, даже если внутри государства уже имело место определенное производство по данным жалобам или следствие (см. *Мэтью* [Mathew] *против Нидерландов*, жалоба № 24919/03, п. 155, ЕСПЧ 2005-IX).

11. Далее, Суд повторяет, что при оценке доказательств он применяет стандарт доказывания «вне разумных сомнений». При этом в ходе производства по делу Суд не ограничен какими-либо

процессуальными требованиями относительно допустимости доказательств и заранее установленными правилами их оценки. Выводы, к которым приходит Суд, должны основываться на свободной оценке всех доказательств по делу, включая логические умозаключения, следующие из фактических обстоятельств и доводов сторон. В соответствии с устоявшейся практикой Суда, тот или иной факт может считаться доказанным, если имеют место сразу несколько веских, четких и последовательных умозаключений или таких же и неоспоренных логических допущений относительно фактических обстоятельств. Более того, степень убежденности, необходимая Суду для того, чтобы сделать конкретный вывод, а следовательно, и распределение бремени доказывания, непосредственно связаны с особенностями фактических обстоятельств дела, характером жалоб и гарантированным Конвенцией правом, о нарушении которого идет речь (см., с дальнейшими ссылками, постановление Большой Палаты по делу *Начова [Nachova] и Другие против Болгарии*, жалобы № 43577/98 и № 43579/98, п. 147, ЕСПЧ 2005-VII).

12. Суд также признает, что к в ходе судопроизводства по жалобам на нарушение Конвенции не всегда нужно строго соблюдать правило *affirmanti incumbit probatio* (тот, кто утверждает что-либо, должен доказать это утверждение). В некоторых случаях, когда только власти имеют доступ к информации относительно всех или большинства обжалуемых событий, Суд может счесть, что бремя доказывания лежит на властях, которые должны представить надлежащее и убедительное объяснение (см. постановления Большой Палаты по делу *Салман [Salman] против Турции*, жалоба № 21986/93, п. 100, ЕСПЧ 2000-VII, и по делу *D.H. и Другие против Чехии*, жалоба № 57325/00, п. 179, ЕСПЧ 2007-XII).

13. Возвращаясь к обстоятельствам данного дела, Суд отмечает, что заявитель представил явное и последовательное изложение событий, в ходе которых он был перемещен из России в Таджикистан. Его жалоба на то, что он был *de facto* незаконно выдан российскими властями, подтверждается докладами Госдепартамента США (см. п. 96 выше).

14. Далее, Суд отмечает, что в своем официальном письме Управлению Верховного Комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека Министерство иностранных дел Таджикистана подтвердило, что заявитель «был официально выдан таджикской стороне правоохрнительными органами Российской Федерации» (см. п. 58 выше). Правительство никак не прокомментировало данное утверждение, ограничившись указанием на то, что оно «не соответствует действительности».

15. Наконец, Суд отмечает, что Правительство не представило какой-либо альтернативной версии, чтобы объяснить, как заявитель – которого в последний раз видели в Подмосковье вечером 15 апреля

2005 г., а 17 апреля 2005 г. он уже был помещен в тюрьму в Таджикистане, - попал в Таджикистан. Правительство лишь заметило, что следователи, в производстве которых находилось дело об исчезновении заявителя, не подтвердили информацию о том, что заявитель вылетел из Чкаловского аэропорта (см. п. 72 выше). Тем не менее, Правительство не представило каких-либо доказательств со стороны следственных органов, из которых бы следовало, какие меры были приняты, чтобы опровергнуть соответствующие утверждения заявителя.

16. Суд указывает, что длина самого короткого пути из Королева в Душанбе составляет 3 660 километров. Этот путь проходит через территорию Казахстана и Узбекистана – независимых государств, у которых есть собственные службы пограничного контроля. Поэтому Суд считает маловероятным, чтобы заявитель был тайно перемещен в Таджикистан лицами, которые его похитили, менее чем за два дня, иначе, чем при помощи воздушного сообщения.

17. Очевидно, что для того, чтобы сесть на самолет, заявитель должен был пересечь государственную границу Российской Федерации и пройти паспортный и таможенный контроль в России. Суд очень сомневается в том, что неизвестные похитители могли переместить заявителя из Королева в Душанбе против его воли, не отчитываясь о его перемещении через границу перед представителями власти. В данной ситуации Суд считает заслуживающим доверия утверждение заявителя о том, что его поместили на борт самолета сотрудники российских органов власти, которые могли пересекать границу, не выполняя обычных в таких ситуациях формальностей. Правительство не представило каких-либо журналов пограничного или таможенного контроля, из которых бы следовало, где и когда заявитель покинул территорию Российской Федерации. Правительство также не смогло правдоподобно объяснить, каким образом заявитель мог попасть в Душанбе без сопровождения представителей российских властей.

18. Поэтому Суд считает, что, тогда как заявитель изначально утверждал, что именно представители российских властей задержали его и переместили в Таджикистан, Правительство не смогло убедительно опровергнуть его аргументы и представить надлежащее и убедительное объяснение того, каким образом заявитель попал в Душанбе.

19. Следовательно, Суд считает установленным тот факт, что 15 апреля 2005 г. заявитель был задержан представителями российских органов власти и оставался под их контролем вплоть до того момента, когда он был передан властям Таджикистана.

20. На основании данных выводов Суд теперь рассмотрит жалобы заявителя на нарушение статей 3 и 5 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

21. Заявитель жаловался на то, что в результате своего незаконного перемещения в Таджикистан он подвергся жестокому обращению и преследованиям по политическим основаниям, в нарушение статьи 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Доводы сторон

22. Правительство оспаривало позицию заявителя и утверждало, что его похищение 15 апреля 2005 г. не могло вменяться государству-ответчику. Правительство указывало, что российские власти не могут нести ответственности за жестокое обращение, которому заявитель мог быть подвергнут в Таджикистане, и что по этой причине его жалоба является неприемлемой *ratione loci*¹. По словам Правительства, вопрос исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты заявителем не возникает, так как предполагаемое нарушение не может быть поставлено в вину государству-ответчику.

23. Заявитель настаивал на своих жалобах. Он утверждал, что по состоянию на 15 апреля 2005 г. у него были веские причины опасаться, что по возвращению в Таджикистан он подвергнется обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции. Далее, заявитель утверждал, что он действительно подвергся жестокому обращению во время содержания под стражей в Таджикистане. Он также утверждал, что российские власти не провели эффективного расследования в связи с его незаконным перемещением в Таджикистан и не обеспечили его возвращения в Российскую Федерацию. Заявитель также указывал, что он исчерпал имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты в связи со своей жалобой.

Б. Оценка Суда

1. По приемлемости

24. В связи с доводом Правительства о том, что данная жалоба должна быть объявлена неприемлемой *ratione loci*, Суд повторяет, что действие Конвенции не распространяется на деятельность государств, которые не являются ее участниками. Конвенция также не претендует на то, чтобы требовать от государств-участников навязывания ее стандартов другим государствам (см. *Сёринг* [Soering] *против*

¹ По признаку территориальной юрисдикции

Соединенного Королевства, постановление от 7 июля 1989 г., п. 86, Серия А № 161). Тем не менее, Суд подчеркивает, что предусмотренная Конвенцией ответственность государства-участника, осуществляющего выдачу лица, возникает в связи не с теми событиями, которые находятся за пределами его юрисдикции, а с действиями, которые ставятся в вину этому государству и как прямое следствие которых лицо подверглось жестокому обращению, запрещенному статьей 3 (см. дело *Серинга*, цит. выше, п. 91, и *Круз Варас* [Cruz Varas] и *Другие против Швеции*, постановление от 20 марта 1991 г., п. 69, Серия А № 201). Поэтому Суд отклоняет довод Правительства об отсутствии территориальной юрисдикции у государства-ответчика.

25. Далее, Суд отмечает, что он не обязан рассматривать вопрос о том, исчерпал ли заявитель эффективные внутригосударственные средства правовой защиты, которыми он располагал по данному делу, так как Правительство не поднимало вопроса о неисчерпании (см. *Меченков* [Mehenkov] *против России*, жалоба № 35421/05, п. 78, постановление от 7 февраля 2008 г.)

26. Наконец, Суд считает, что жалоба заявителя на нарушение статьи 3 не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции. Она также не является неприемлемой по прочим основаниям. Следовательно, данная жалоба объявляется приемлемой.

2. По существу

(а) Общие принципы

27. С самого начала Суд повторяет, что обращение должно достигнуть некой минимальной степени жестокости, чтобы подпадать под действие статьи 3. Разумеется, данный минимум является относительным и зависит от обстоятельств дела, таких как характер обращения и наказания и их общий контекст, способ и метод приведения данных мер в исполнение, длительность обращения, физические и психические последствия обращения, а также, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья потерпевшего (см. *Т. против Соединенного Королевства*, жалоба № 24724/94, п. 68, постановление Большой Палаты от 16 декабря 1999 г.)

28. Согласно устоявшейся практике Суда, государства-участники Конвенции – в соответствии с общепринятыми нормами международного права и их договорными обязательствами – имеют право устанавливать порядок въезда, проживания и выдворения иностранцев (см., к примеру, *Бужлифа* [Boujlifa] *против Франции*, постановление от 21 октября 1997 г., п. 42, *Отчеты о постановлениях и решениях 1997-VI*, и *Н. против Соединенного Королевства*, жалоба № 26565/05, п. 30, постановление Большой Палаты от 27 мая 2008 г.).

Кроме того, ни Конвенция, ни Протоколы к ней не предусматривают права на получение политического убежища (см. *Ахмед [Ahmed] против Австрии*, постановление от 17 декабря 1996 г., п. 38, *Отчеты 1996-VI*).

29. Тем не менее, выдача лица государством-участником Конвенции может привести к нарушению статьи 3, а следовательно, и к наступлению предусмотренной Конвенцией ответственности данного государства, если имелись веские основания полагать, что в случае выдачи данное лицо столкнется с реальной угрозой подвергнуться обращению, запрещенному статьей 3 (см. постановление Большой Палаты по делу *Маматкулов и Аскарлов [Mamatkulov and Askarov] против Турции*, жалобы № 46827/99 и № 46951/99, п. 67, ЕСПЧ 2005-I). В таком случае статья 3 предусматривает обязательство государства-участника Конвенции отказать в выдаче данного лица (см., *mutatis mutandis, Вильвараджа [Vilvarajah] и Другие против Соединенного Королевства*, постановление от 30 октября 1991 г., п. 102, Серия А № 215, и *Саид [Said] против Нидерландов*, №. 2345/02, п. 46, ЕСПЧ 2005-VI).

30. Устанавливая, мог ли заявитель в случае экстрадиции столкнуться с реальной угрозой жестокого обращения, запрещенного статьей 3, Суд рассмотрит данный вопрос в свете всех представленных материалов, а при необходимости – материалов, полученных по собственной инициативе (см. *H.L.R. против Франции*, постановление от 29 апреля 1997 г., п. 37, *Отчеты 1997-III*). В связи с тем что по своему характеру ответственность государств за нарушение статьи 3 по делам такого рода наступает за то, что они подвергли индивида опасности жестокого обращения, существование такой опасности необходимо оценивать, прежде всего, исходя из обстоятельств, которые были – или должны были быть – известны государству-участнику Конвенции на момент экстрадиции (см. *Круз Варас и Другие*, цит. выше, пп. 75-76, и *Вильвараджа и Другие*, цит. выше, п. 107).

31. Чтобы определить, угрожала ли заявителю опасность подвергнуться жестокому обращению на момент экстрадиции, Суд должен рассмотреть последствия высылки заявителя в данное государство, которые можно было предвидеть уже тогда, принимая во внимание общую ситуацию в стране, а также положение лично заявителя (см., *mutatis mutandis, Ньянзи [Nnyanzi] против Соединенного Королевства*, жалоба № 21878/06, п. 54, постановление от 8 апреля 2008 г.). Оценивая общую ситуацию в стране, Суд считает, что он может принять во внимание информацию, изложенную в докладах независимых международных правозащитных организаций – таких как Международная Амнистия – или правительственных источников, включая Госдепартамент США (см., к примеру, дело

Саид, цит. выше, п. 54, и *Аль-Моайяд* [Al-Moayad] *против Германии*, жалоба № 35865/03, пп. 65-66, решение от 20 февраля 2007 г.). В то же время, один только риск жестокого обращения, обусловленный неустойчивой ситуацией в принимающей стране, сам по себе не может привести к нарушению статьи 3 (см. *Вильвараджа и Другие*, цит. выше, п. 111, и *Фатган Катани* [Fatgan Katani] *и Другие против Германии*, жалоба № 67679/01, решение от 31 мая 2001 г.) Тогда как доступные Суду источники описывают общую ситуацию в стране, конкретные утверждения заявителя по делу должны быть подкреплены дополнительными доказательствами (см. *Маматкулов и Аскарров*, цит. выше, п. 73).

(б) Применение вышеизложенных принципов к данному делу

32. Теперь Суд должен установить, существовала ли реальная опасность того, что заявитель подвергнется обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции, в Таджикистане, на момент его выдворения из России, т.е. 15 апреля 2005 г. (см. *Муминов* [Muminov] *против России*, жалоба № 42502/06, п. 91, постановление от 11 декабря 2008 г.).

33. Прежде всего, Суд рассмотрит вопрос о том, позволяла ли общая политическая обстановка в Таджикистане на тот момент предположить, что заявитель подвергнется жестокому обращению в принимающей стране. В данной связи Суд отмечает, что доказательства, полученные от целого ряда объективных источников, вне всяких сомнений, свидетельствуют о том, что в целом ситуация с соблюдением прав человека в Таджикистане вызывала сильные опасения. Например, Международная Амнистия отмечала, что представителями власти широко практикуются пытки, а лица, совершившие их, остаются безнаказанными. Госдепартамент США также указывал на частое использование пыток сотрудниками спецслужб и подчеркивал, что условия содержания в тюрьмах оставались крайне суровыми и опасными для жизни, так что ряд заключенных даже умерли от голода. Учитывая тот факт, что Правительство не смогло что-либо возразить на заявления, сделанные столь уважаемыми организациями в своих отчетах, Суд согласен с тем, что в 2005 г. жестокое обращение с заключенными было актуальной проблемой в Таджикистане.

34. Тем не менее, Суд указывает, что данные выводы касаются общей ситуации в стране, куда был выдан заявитель, и должны быть подтверждены конкретными утверждениями и подкреплены дополнительными доказательствами. В этой же связи Суд должен рассмотреть, оценивалась ли властями вероятность жестокого обращения до принятия решения о выдаче (см., *mutatis mutandis*, *Рябкин*, цит. выше, п. 117).

35. Следовательно, теперь Суд рассмотрит, позволяла ли личная ситуация заявителя предположить, что он подвергнется реальной опасности жестокого обращения в Таджикистане. В этой связи Суд отмечает, что заявитель был одним из потенциальных соперников Президента Рахмонова в предвыборной кампании. На момент выдворения заявителя с российской территории уже вышли в свет доклады о политических преследованиях и жестоком обращении в отношении другого лидера оппозиции и критика режима, Шамсиддинова. С учетом данных обстоятельств Суд считает, что дело заявителя содержало целый ряд характерных признаков, которые позволяли российским властям предвидеть, что он может подвергнуться жестокому обращению в Таджикистане (см. противоположную ситуацию в деле *Вильвараджи и Других*, цит. выше, п. 112).

36. Невозможность установить, действительно ли подвергался заявитель жестокому обращению после возвращения в Душанбе – как он утверждал в своих жалобах в Суд и другие международные организации – никак не влияет на вышеизложенные выводы Суда.

37. Наконец, Суд особо отмечает свое недоумение в связи с тем, что российские власти никак не оценили вероятность того, что в Таджикистане заявитель может столкнуться с жестоким обращением. Так как постановление о выдаче вынесено не было, заявитель был лишен возможности обжаловать решение о выдворении из России в суд – тогда как это является основной процессуальной гарантией права не подвергаться запрещенному обращению в стране, запрашивающей выдачу лица.

38. В свете данных соображений Суд считает, что выдворение заявителя в Таджикистан составило нарушение обязательств государства-ответчика по защите заявителя от опасности подвергнуться жестокому обращению.

39. Следовательно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

40. Заявитель жаловался на то, что 15 апреля 2005 г. он был задержан представителями российских властей в нарушение национального законодательства. Заявитель ссылаясь на пункт 1 статьи 5, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе, как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

а. законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;

b. законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

c. законное задержание или заключение под стражу лица, произведенные с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

d. заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

e. законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

f. законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче».

41. Правительство оспаривало позицию заявителя. Оно заявило, что с 9 декабря 2004 г. по 4 апреля 2005 г. заявитель законно содержался под стражей в связи с поступившим запросом о выдаче и что он не заключался под стражу российскими властями после 4 апреля 2005 г. Правительство повторяло, что представители власти не участвовали в похищении заявителя и его перемещении в Таджикистан.

42. Заявитель настаивал на своей жалобе.

А. По приемлемости

43. Суд повторяет, что статья 5, – пункт 1 которой закрепляет «право на свободу» - связана с физической свободой лица. Эта статья призвана обеспечить, что никто не может быть лишен свободы в произвольном порядке. Чтобы определить, было ли лицо «лишено свободы» по смыслу статьи 5, необходимо отталкиваться от конкретной ситуации данного лица, а также принимать во внимание целый ряд критериев, таких как тип, длительность, последствия и способ применения рассматриваемой меры (см. *Амуур [Amuur] против Франции*, постановление от 25 июня 1996 г., п. 42, *Отчеты 1996-III*). Разница между лишением и ограничением свободы заключается лишь в степени и интенсивности меры, а не в ее сущности и природе (см. *Гудзарди [Guzzardi] против Италии*, постановление от 6 ноября 1980 г., Серия А № 39, и постановление Большой Палаты по делу *Медведев*

[Medvedyev] и Другие против Франции. № 3394/03, п. 73, ЕСПЧ 2010-...).

44. С самого начала Суд отмечает, что, так как у него крайне мало сведений и вовсе нет каких-либо официальных протоколов о выдворении заявителя с российской территории, он не может установить подробные обстоятельства, при которых заявитель был перемещен из г. Королев в г. Душанбе. В частности, неизвестно, содержался ли заявитель в камере или был заперт в ином помещении в тот или иной момент в ходе перемещения между этими двумя городами. Тем не менее, Суд установил, что заявителя сопровождали представители российских властей и что он был доставлен в Таджикистан против своей воли. По мнению Суда, такая ситуация не может рассматриваться только как ограничение свободы передвижения, так как данная поездка была навязана заявителю представителями государства (см., *mutatis mutandis*, *Медведев и Другие*, цит. выше, п. 79). Относительно короткая длительность периода, когда заявитель находился под контролем российских властей, не является решающим фактором при установлении, имело ли место лишение свободы по данному делу (см. *X и Y против Швеции*, жалоба № 7376/76, решение Комиссии от 7 октября 1976 г., Решения и Отчеты (далее - РО) 7, стр. 123, и *X против Австрии*, жалоба № 8278/78, решение Комиссии от 13 декабря 1979 г., РО 18, стр. 154).

45. Соответственно, Суд приходит к выводу о том, что положение заявителя, когда он находился под контролем российских властей после того, как был похищен 15 апреля 2005 г., фактически явилась лишением свободы, и что пункт 1 статьи 5 применим к его делу *ratione materiae*. Далее, Суд повторяет, что он уже признавал лишение свободы при помощи транспортного средства аналогичным «заключению под стражу» (см. *Бозано [Bozano] против Франции*, постановление от 18 декабря 1986 г., п. 59, Серия А № 111) и не видит причин не согласиться с тем, что заявитель фактически был взят под стражу по смыслу, который придается этому термину в его практике.

46. Далее, Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции и не является неприемлемой по иным основаниям. Поэтому она объявляется приемлемой.

Б. По существу

47. Суд повторяет, что статья 5 Конвенции защищает право на свободу и неприкосновенность. Это одно из самых важных прав «в демократическом обществе» по смыслу Конвенции (см., в числе многочисленных источников, *Де Уайлд, Умс и Версип [De Wilde, Ooms and Versyp] против Бельгии*, постановление от 18 июня 1971 г., п. 65,

Серия А № 12; постановление Большой Палаты по делу *Ассанидзе* [Assanidze] *против Грузии*, жалоба № 71503/01, п. 169, ЕСПЧ 2004-II; и *Ладан* [Ladent] *против Польши*, жалоба № 11036/03, п. 45, ЕСПЧ 2008-...).

48. Все лица пользуются защитой этого права – права не быть лишенным свободы или не продолжать претерпевать лишение свободы, иначе как в порядке, установленном в пункте 1 статьи 5 (см. *Медведев и Другие*, цит. выше, п. 77). Если встает вопрос о «законности» содержания под стражей – в том числе, вопрос о том, был ли соблюден «порядок, установленный законом», Конвенция отсылает нас, в первую очередь, к национальному законодательству. С другой стороны, она требует, чтобы лишение свободы соответствовало цели статьи 5, а именно – защите лиц от произвола (см. *Бозано*, цит. выше, п. 54, и постановление Большой Палаты по делу *Кафкарис* [Kafkaris] *против Кипра*, жалоба № 21906/04, п. 116, ЕСПЧ 2008-...).

49. Содержание под стражей, которое является произвольным, не может соответствовать пункту 1 статьи 5 Конвенции, так как в данном контексте понятие «произвола» выходит за рамки несоответствия внутреннему законодательству. Хотя Судом еще не было сформулировано универсальное определение тех видов действий властей, которые могут рассматриваться как «произвол» с точки зрения пункта 1 статьи 5, основополагающие принципы были разработаны им в целом ряде дел. Более того, понятие произвола в контексте статьи 5 варьируется в зависимости от типа содержания под стражей (см. постановление Большой Платы по делу *Моорен* [Mooren] *против Германии*, жалоба № 11364/03, п. 77, ЕСПЧ 2009-...).

50. Например, Суд уже устанавливал, что содержание под стражей будет являться «произвольным», если, несмотря на то, что формальные требования внутреннего законодательства были соблюдены, власти действовали недобросовестно или обманным путем (см. *Бозано*, цит. выше, п. 59); если национальные власти даже не попытались правильно применить соответствующие положения законодательства (см. *Бенхэм* [Benham] *против Соединенного Королевства*, постановление от 10 июня 1996 г., п. 47, *Отчеты* 1996-III); или если судебные органы власти санкционировали длительное содержание под стражей, не указав на какие-либо основания для этой меры в своих решениях (см. *Сташаитис* [Stašaitis] *против Литвы*, жалоба № 47679/99, п. 67, постановление от 21 марта 2002 г.)

51. Теперь Суд рассмотрит, не было ли содержание заявителя под стражей произвольным.

52. Принимая во внимание свои выводы в части установления обстоятельств данного дела (см. выше, п. 115), Суд считает крайне прискорбным тот факт, что государственными органами были применены такие «грязные» методы, которые могли не только лишить

людей чувства правовой определенности и заставить их опасаться за собственную безопасность, но и грозили подорвать общественное уважение и доверие по отношению к национальным властям (см., *mutatis mutandis*, *Giorgi Nikolaishvili* [Giorgi Nikolaishvili] *против Грузии*, жалоба № 37048/04, п. 56, ЕСПЧ 2009-...).

53. Далее, Суд подчеркивает, что содержание заявителя под стражей не было основано на решении, принятом в соответствии с национальным законодательством. По мнению Суда, лишение лица свободы в отсутствие законных оснований является совершенно неприемлемым в правовом государстве (см., *mutatis mutandis*, *Ассанидзе*, цит. выше, п. 173). 15 апреля 2005 г. заявитель был лишен свободы с тем, чтобы его можно было незаконно выдворить из России, в обход решения Генеральной Прокуратуры, которым в экстрадиции заявителя было отказано, а не с целью «заключения под стражу» лица, необходимого в ходе стандартного применения «меры по его высылке или выдаче» (см. *Бозано*, цит. выше, п. 60).

54. Более того, факт заключения заявителя под стражу не был подтвержден или внесен в какой-либо протокол задержания или заключения под стражу. Тем самым заявитель был полностью лишен гарантий свободы и неприкосновенности, предусмотренных статьей 5 Конвенции, что является самым грубым нарушением этой статьи (см. постановление Большой Палаты по делу *Kıncı* [Суррус] *против Турции*, жалоба № 25781/94, п. 147, ЕСПЧ 2001-IV).

55. В данной ситуации Суд должен заключить, что начиная с момента своего задержания 15 апреля 2005 г. и вплоть до передачи таджикским властям заявитель был произвольно лишен свободы официальными представителями российских властей.

56. В свете данных соображений Суд приходит к выводу о том, что имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЕЙ 41 И 46 КОНВЕНЦИИ

57. Ссылаясь на статью 41 Конвенции, заявитель просил присудить ему 300 000 евро в качестве компенсации морального вреда, ввиду физических и психических страданий, причиненных ему в результате незаконного перемещения в Таджикистан. Далее, он просил присудить ему 4 140 евро в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных в связи с его обращением в Суд. В подтверждение своих требований заявитель представил счет с указанием размера гонорара двух адвокатов, представлявших его в Суде. Наконец, он просил Суд обязать Правительство государства-ответчика обеспечить его освобождение из таджикской тюрьмы и возвращение в Российскую Федерацию.

58. Правительство указывало, что требования заявителя в части компенсации морального вреда являются чрезмерными и необоснованными, а также не соответствуют практике Суда. Правительство также утверждало, что заявитель не доказал, что он оплатил счета своих адвокатов. Правительство никак не прокомментировало требование заявителя обеспечить его возвращение в Российскую Федерацию.

А. Статья 41

59. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

60. Суд констатировал нарушения статей 3 и 5 Конвенции в связи с незаконной выдачей заявителя в Таджикистан и его незаконным заключением под стражу представителями российских властей. Суд признает, что заявителю был причинен моральный ущерб, который невозможно компенсировать одним признанием нарушений по делу. Суд считает возможным присудить заявителю 30 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

61. Далее, по практике Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек, если докажет, что они действительно и неизбежно имели место и что их размер является обоснованным. В данном деле, принимая во внимание представленные документы и данные критерии, Суд считает возможным присудить заявителю 3000 евро в качестве компенсации расходов, понесенных в связи с обращением в Суд.

62. Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процентных пункта.

Б. Статья 46

63. Суд считает, что неденежные требования заявителя главным образом опираются на статью 46 Конвенции, которая гласит:

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами.

2. Окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением».

160. Суд указывает, что в соответствии со статьей 46 Конвенции Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами, при этом надзор за исполнением осуществляет Комитет Министров. Следовательно, постановление, которым Суд признает нарушение Конвенции, накладывает на государство-ответчика юридическую обязанность не только выплатить жертвам суммы, присужденные в качестве справедливой компенсации, но также, под наблюдением Комитета Министров, выбрать меры общего и/или, при необходимости, индивидуального характера и применить их в рамках государственной правовой системы, чтобы положить конец нарушению, которое было констатировано Судом, и исправить - насколько это возможно - его последствия (см. постановление Большой Палаты по делу *Скодзари и Джунта* [Scozzari and Giunta] *против Италии*, жалобы № 39221/98 и № 41963/98, п. 249, ЕСПЧ 2000-VIII, и *Насруллоев против России*, жалоба № 656/06, п. 95, постановление от 11 октября 2007 г.). В исключительных случаях природа нарушения может быть такова, что сам Суд будет уполномочен указать на необходимую индивидуальную меру.

161. Назначение тех индивидуальных мер, которые запрашиваются заявителем, потребуют от правительства государства-ответчика вмешательства во внутренние дела другого суверенного государства.

162. Принимая во внимание обстоятельства данного дела, Суд не считает возможным указывать на какие-либо индивидуальные меры, направленные на исправление нарушений, констатированных по настоящему делу.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобу приемлемой;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции;
3. *Постановляет*, что имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции;
4. *Постановляет*,
 - (а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы в

перевод на российские рубли по курсу, действующему на день выплаты:

(i) 30 300 (тридцать тысяч) евро плюс все налоги, которыми данная сумма может облагаться, в качестве компенсации морального вреда;

(ii) 3 000 (три тысячи) евро, плюс все налоги, которыми данная сумма может облагаться, в качестве компенсации расходов и издержек;

(б) что простые проценты по предельным годовым ставкам по займам Европейского центрального банка плюс три процентных пункта подлежат выплате по истечении вышеупомянутых трех месяцев и до момента выплаты;

5. *Отклоняет* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке; письменное уведомление направлено 23 сентября 2010 г., в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сёрен Нильсен
Регистратор

Христос Розакис
Председатель